

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ЛОССОВСКИЙ И.Е.,
кандидат
физико-математических наук,
чрезвычайный и
полномочный посланник
2-го класса,
Министерство
иностраных дел
Украины

В статье проводится анализ развития стратегий национальной и региональной безопасности стран субрегиона Юго-Восточной Азии. Главный акцент делается на вопросах эволюции стратегии национальной безопасности Малайзии, как одного из лидеров ASEAN.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, ASEAN, национальная и региональная безопасность, Малайзия, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Субрегион Юго-Восточной Азии (ЮВА) включает 10 стран-членов ASEAN, имеющих разные политические системы, формы правления и идеологии, уровни экономического и общественного развития, благосостояния населения. В субрегионе отсутствуют развитые либерально-демократические системы правления, преобладают молодые демократии переходного периода и полуавторитарные режимы. Отсутствуют также объединяющие ценности, характерные для таких интеграционных объединений, как ЕС. Тем не менее их объединяет географическая близость, историческое прошлое, вера в общее будущее, а также прагматическое желание развивать торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество, взаимодействие в сфере безопасности в ЮВА и более широком Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), которые в отличие от Европы не отличаются сегодня развитой архитектурой институтов безопасности.

По окончании Второй мировой войны (ВМВ) первые субрегиональные структуры безопасности формировались по инициативе активного участника всех процессов в АТР – США, что служило гарантией

необратимости демилитаризации послевоенной Японии, а также балансом силы в противодействии СССР, КНР и другим коммунистическим странам региона в годы холодной войны. Девять из десяти стран ЮВА получили независимость лишь по окончании ВМВ после нескольких столетий колониальной зависимости от европейских метрополий (лишь Таиланд/Сиам имел продолжительный опыт независимости). Процессы становления государственности часто сопровождались вооруженным противодействием внешним и внутренним угрозам, что придавало больший вес вооруженным силам, руководители которых часто выступали политическими конкурентами гражданской элите и принимали на себя общеполитическое руководство. Поэтому современные гражданско-военные отношения в большинстве стран ЮВА, далеки сегодня до мировых демократических стандартов.

В послевоенный период на процессы в ЮВА активно влияли «великие державы» – Великобритания, США, СССР и КНР. Некоторые страны субрегиона становились полем «горячего» противостояния в «холодной» войне (Вьетнам (1957–1975), Камбоджа (1967–1975), Малайзия (1948–1960), Лаос (1960–1973)). Окончание блокового противостояния и активного присутствия США и СССР/России существенно повлияло на военно-политические процессы и стабильность в ЮВА, создав вакуум безопасности. В этих условиях, учитывая тенденцию роста коммунистического Китая, странами ЮВА были сформулированы концепции региональной интеграции и нейтрализма, на полномасштабную реализацию которых направлена стратегия ASEAN.

В данной статье проводится анализ эволюции концепций и стратегий национальной и региональной безопасности в ЮВА с главным акцентом на развитии политики безопасности Малайзии, как одного из лидеров ASEAN.

1. Политика национальной безопасности как главная составляющая внешней и внутренней политики страны. Эволюция национальной безопасности Малайзии отражает усилия по развитию независимой самодостаточной нации из молодого неразвитого государства, унаследованного от эпохи Британского колониализма. Страна получила независимость 31 августа 1957 г. в сложных геополитических условиях, когда не только внешнее международное окружение было непредсказуемым и враждебным, но и внутренняя ситуация - нестабильной благодаря вспышке в 1948 г. коммунистического повстанческого движения [1,2]. С началом «холодной» войны и разделением мира на два

враждебных лагеря главным вызовом безопасности для субрегиона стала «северная угроза» – коммунистическая экспансия Китая. Корейская война (1950–1953) и война в Индокитае обострили угрозы региональной безопасности. Возможные политические последствия «теории домино» внушали серьезные опасения Запада и политических элит субрегиона. Угрозы обострились с началом в 1963 г. Индонезией «конфронтации» с сформировавшимся федеративным государством Малайзия (на базе Федерации Малайя, Сингапура и британских колоний Сабах и Саравак). «Конфронтация» завершилась в августе 1966 г. подписанием в г. Бангкок при посредничестве Таиланда мирного соглашения между Индонезией и Малайзией. Филиппины в 1963 г. заявили о своих претензиях на территорию восточно-малазийского штата Сабах, не признав новой Федерации (до сегодня претензии формально не сняты) [3].

Повстанческое движение Компартии Малайи (КПМ) началось в 1948 г., но и после обретения независимости эта проблема оставалась главной для молодой страны. КНР открыто поддерживала КПМ, а также другие коммунистические организации в ЮВА, чему содействовала широкая социальная база – многочисленная китайская диаспора (свыше 30% населения Малайзии) [2].

Кроме указанного идеологического противостояния межэтнические и межконфессиональные стычки (преимущественно малайско-китайские) были серьезным вызовом национальной безопасности Малайзии. Печальным свидетельством этого стали кровавые события 13 мая 1969 г., состоявшиеся после парламентских выборов в стране. Для преодоления их последствий было объявлено чрезвычайное положение, на 21 месяц приостановлена работа Парламента, для управления страной создан Национальный Совет во главе с Вице-премьер-министром (будущим Премьером) Абдулой Разаком [3, 4]. Эти события знаменовали «водораздел» малазийской истории, изменивший не только политическую жизнь страны, но и само понятие внутренней безопасности, дополнив его новым измерением – межрасовые и межэтнические отношения.

Если первый Премьер-министр независимой Малайзии Абдула Рахман (1957–1969) проводил четкую прозападную антикоммунистическую политику и открыто отвергал идею «неприсоединения», то более прагматичный второй Премьер А. Разак (1970–1976), наоборот, ставил акцент на регионализме и «неприсоединении». В 1970 г. страна становится участником Движения Неприсоединения, впервые призвав к нейтралитету ЮВА

[1, 5]. В 1971 г. на встрече министров иностранных дел ASEAN в г.Куала Лумпур Малайзия провозгласила новый невоенный подход к региональной безопасности – концепцию Зоны мира, свободы и нейтралитета (ЗМОН). Таким поворотом политики безопасности было изменено отношение страны к войне во Вьетнаме, коммунистическому Китаю, социалистическим странам Восточной Европы и СССР, по отношению к которым стала применяться политика мирного сосуществования. Малайзия стала первой страной ЮВА, установившей дипломатические отношения с КНР. С целью заручительства гарантиями безопасности были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом [1], а в сентябре 1979 г. во время визита в Москву третьего Премьер-министра страны Хусейна Онна (1976–1981) советский лидер Л. Брежнев предоставил Малайзии гарантии неприменения агрессии Вьетнамом.

В 80-е годы при том, что внешние угрозы, связанные с холодной войной, не утратили актуальности, проявились новые, среди которых проблемы: защиты морских границ, нелегальной иммиграции, роста радикального исламизма. Вторжение СССР в Афганистан 27 декабря 1979 г. вызвало резко негативную реакцию Исламского мира, активизировало деятельность радикальных исламистских организаций. В мусульманских странах ЮВА, прежде всего Индонезии, Малайзии, Филиппинах, звучали призывы к Джихаду. В этой ситуации едва ли не наиболее пострадавшей стороной была Малайзия, поскольку жесткая антирадикалистская политика Президента Сухарто (1968–1998) в Индонезии заставила местных исламистов, поддерживавших антисоветскую кампанию, перебраться в 1985 г. в более либеральную Малайзию.

Тенденция исламизации и радикализации субрегиона кроме событий в Афганистане была связана с рядом других причин: исламская революция в Иране 1979 г.; распространение исламистской литературы и радикальных верований; влияние студентов, возвращавшихся после обучения в арабских странах; четвертая арабо-израильская война 1973 г.; активизация международных исламистских организаций и фундаменталистских движений. Все это представляло значительную угрозу для расовой гармонии и национальной безопасности стран ЮВА, что побудило правительство Малайзии в конце 80-х годов подготовить «Белую книгу» – «Угроза исламскому единству и национальной безопасности», а 2 декабря 1989 г. подписать мирный договор с КПМ, знаменовавший полное прекращение идеологического противостояния [3].

Кроме подъема радикального исламизма в субрегионе среди главных проблем безопасности появилось пиратство, заставившее страны ЮВА принять совместные меры по усилению морской разведки и обороны, налаживанию многостороннего сотрудничества. В 90-е годы ЮВА продолжала сталкиваться с угрозами безопасности, как традиционными, так и новыми [6]: распространение радикальных исламистских сект, зависимость от иностранной рабочей силы, наплыв нелегальных иммигрантов. Значительное влияние на формирование политики национальной безопасности стран субрегиона имели трагические события 11 сентября 2001 г. в США. Состоялось ее переосмысление с учетом требований нейтрализации глобального терроризма. Страны ЮВА пришли к осознанию необходимости более внимательного отношения к проблеме радикализации ислама. Угроза со стороны таких радикальных организаций, как «Кумпулан Милитан Малайзия» и «Джамаа Исламия» (ДИ) и их связей с Аль-Каидой является серьезной, хотя правительства иногда стараются их преуменьшить в связи с тем, что Малайзия, Индонезия и Филиппины – исламские страны, а «преувеличение» угрозы может отпугнуть иностранных инвесторов [3]. ДИ имеет разветвленную иерархическую структуру, известна своей террористической деятельностью на Малайском архипелаге и ставит задачей создание в Индонезии шариатского государства – ядра «нового азиатского халифата» в составе Индонезии, Малайзии, Брунея, Сингапура, юга Филиппин, Таиланда и Мьянмы. За последнее десятилетие совместными усилиями стран региона было обезврежено сотни террористов, раскрыт ряд планировавшихся террористических акций. Ее живучесть объясняется глубокой конспирацией, использованием современных средств связи и популистских лозунгов для рекрутирования приверженцев, слабостью местных властей и прозрачностью границ. Успешность борьбы с терроризмом зависит от активности международных усилий, решимости стран ЮВА к совместным действиям и реформам, способным подорвать социальную базу экстремистских организаций [7]. В первом десятилетии 21-го столетия силовыми структурами стран ASEAN была проведена серьезная работа по нейтрализации членов террористических организаций, активизации морского патрулирования и укреплению границ, существенно усилены разведывательные органы, а в 2003 г. в Куала Лумпур создан Контр-террористический центр ЮВА.

2. Развитие стратегий национальной безопасности. В ЮВА ухудшение экономической си-

туации приводит к внутренней нестабильности и социальной дисгармонии. Учитывая мультиэтнический состав населения, Правительство Малайзии обеспечивает внутреннюю безопасность за счет экономического развития и справедливого распределения доходов, поскольку исторический опыт свидетельствует, что в иной ситуации это приводит к внутренней нестабильности и межэтническим стычкам, как это произошло 13 мая 1969 г. [4].

В процессе своей эволюции национальная безопасность Малайзии преследовала разные цели: сохранение независимости, территориальной целостности, политической стабильности, преемственности институтов власти, экономического благополучия и социальной гармонии. Если раньше главным вызовом была угроза государственному суверенитету и территориальной целостности, что отвечало традиционной «жесткой безопасности», то по окончании холодной войны понятие «национальная безопасность» было существенно расширено за счет нетрадиционных угроз [6], ответ на которые формирует «мягкую безопасность». В своей политике национальной безопасности руководство Малайзии продолжает балансировать между военным и невоенным подходами, причем последний сегодня превалирует. Концепция всеобъемлющей безопасности хорошо зарекомендовала себя в исторической практике и исключает использование сугубо силовой стратегии.

Как сравнительно небольшая развивающаяся страна, Малайзия имеет свой собственный набор уязвимостей, могущих представлять угрозу национальной безопасности: состав населения, географическое положение, исторический опыт, региональное окружение. Страна состоит из двух частей: Малаккского полуострова и штатов Сабах и Саравак, расположенных на севере острова Борнео. Такая «разбросанность» территории создает проблемы политического единства и территориальной целостности страны перед угрозой сепаратизма и внешней агрессии. Такие угрозы имели место в первом десятилетии независимости страны в связи с территориальными претензиями Индонезии и Филиппин, выходом Сингапура из Федерации в 1965 г. и претензиями восточных территорий на автономный статус. Полиэтнический состав населения является фактором угрозы дезинтеграции страны. Расовые стычки 13 мая 1969 г. стали уроком для национальных элит Малайзии, осознавших, что внутреннее единство и политическая стабильность неразрывно связаны с национальной безопасностью. Тем не менее разрушение национального единства, межэтнической гармонии и

внутреннего консенсуса остается угрозой внутренней стабильности страны. При этом для снижения напряженности и конфликтности консенсусной доминантой национальной безопасности остается обеспечение развития всех этнических групп, проживающих в стране. Главной концепцией здесь выступает «договоренность элит» путем диалога политических партий, формирующихся на этнической основе. Внутренняя политика страны в разные времена («Новая экономическая политика» (1971–1990), «Новая экономическая модель», «Единая Малайзия» (2010–2020)) [8] направлялась как на формирование общенациональных ценностей, гарантирование единства страны и сбалансированного развития территорий, так и на обеспечение идентичности и развитие отдельных этнических и расовых групп.

Главными историческими событиями, формировавшими идеологию национальной безопасности Малайзии были: Японская оккупация 1942–1945 гг., коммунистическое движение 1948–1960 гг., болезненные процессы формирования страны 1963 г. и «расставания» с Сингапуром в 1965 г., межэтнические стычки 1969 г. Они повлияли на осознание элитами реальности угроз и на формирование политики безопасности, адекватной этим угрозам.

Роль более отдаленной истории здесь также сложно переоценить. Общеизвестным «началом» малайской истории и точкой отсчета эволюции современной Малайзии является Малаккский Султанат (1400–1511 гг.) – сильное и богатое средневековое государство ЮВА, центр международной морской торговли и малайско-индонезийской культуры 15-16 столетий. Завоевание Малакки португальскими колонизаторами в 1511 г. имело значительное и продолжительное влияние на осознание малайцами угроз национальному выживанию. Эти события 500-летней давности знаменовали начало эпохи европейского колониализма в субрегионе, завершившейся в середине 20-го столетия [9]. Хотя последующее голландское господство в Малакке (1641–1824 гг.), пришедшее на смену португальскому, также было важным свидетельством уязвимости перед внешними угрозами, оно не вызвало такого шокового влияния на восприятие малайцами проблем национального выживания. Это можно объяснить традиционной малайской психологией, признающей первостепенность правителя-султана, а не территории. Малайские правители, вынужденные покинуть Малакку в 1511 г., сконцентрировались на развитии государственности в Султанате Джохор на юге Малаккского полу-

острова вместо попыток вернуть утраченные территории.

Средневековые особенности государственности и национальной безопасности, сформированные к началу эпохи колониализма, в регионе находят проявления и в сегодняшней Малайзии. Малайцам присуща лояльность к своим правителям, любые действия против которых считались изменой. Из давних времен характерной формой принятия управленческих решений был принцип консенсуса, а национальная безопасность отождествлялась с безопасностью правящего режима, что в целом сохранилось и до сего времени [3, 10].

Значительное влияние на формирование современных представлений о государственном управлении и национальной безопасности Малайзии имело полуторастолетнее британское колониальное правление (1786–1957 гг.). Пребывая в колониальной зависимости от европейских государств, малайцы переняли многие элементы разных культур и развили свою собственную политическую культуру. Был позаимствован британский прагматизм в управлении страной, что отразилось в современных подходах ко многим проблемам национальной безопасности и практической политики.

Борьба с коммунистическим движением [2, 11]. В годы холодной войны важнейшим фактором, влиявшим на политику национальной безопасности, была коммунистическая угроза. 40-летнее противостояние коммунистическим движениям в ЮВА оказывало большое политическое и психологическое влияние. Политика Малайзии и ее подходы к национальной безопасности формировались в борьбе с движением 1948–1960 гг. Среди главных факторов победы над коммунистической идеологией отмечают следующие: коммунизм был угрозой политической системе и ключевым ценностям нации, тесно связанным с культурными традициями малайцев, составляющих 60% населения страны; коммунистическое движение имело не общегосударственный, а преимущественно китайский этнический характер; КПМ исповедовала «инострannую идеологию» и стремилась сместить легитимное малайское руководство, что не отвечало интересам большинства; национальная стратегия предложила народу то, что не смогла КПМ – безопасность и экономическое развитие – две главные особенности стратегии национальной безопасности Малайзии. Перед вооруженными силами страны кроме борьбы с повстанцами ставилась задача помогать в реализации правительственной программы развития, неразрывно связан-

ной с задачей обороны и безопасности (Концепция «Безопасность и Развитие», 1971 г.). Несовместимость с коммунистической идеологией также проявлялась и в антикоммунистической внешней политике в первые годы независимости страны. Коммунизм, как внутренняя угроза, ассоциировался с конкретной внешней угрозой. Конфликт в Индокитае рассматривался как война коммунизма с демократией, поэтому режиму Южного Вьетнама оказывалась поддержка как соратнику по совместной борьбе.

В гражданской войне 1948–1960 гг. Малайя победила благодаря поддержке, оказанной Британией в рамках Англо-Малайского Соглашения по обороне и взаимопомощи 1957 г. Однако КПМ тогда еще не отказалась окончательно от своих намерений и в 1968 г. развязала вторую военную кампанию, завершившуюся лишь в 1989 г. Мирным соглашением, подписанным Малайзией, Таиландом и КПМ. Таким образом, Малайзия стала одной из немногих стран мира, которым удалось успешно преодолеть внутреннее коммунистическое движение.

Проблемы безопасности между соседями. «Конфронтация» Индонезии (1963–1966) началась как противодействие Президента А. Сукарно (1945–1967) провозглашению Малайзии 16 сентября 1963 г. Создание новой Федерации кардинально изменило не только внешнюю политику стран региона, но и политико-безопасностную среду ЮВА. Этому активно противодействовали также Филиппины, имевшие территориальные претензии на Сабах. Руководство Индонезии считало создание Малайзии «неоколониальным заговором», «Конфронтация» стала крупнейшим конфликтом Малайзии после ВМВ и шоком для населения страны, считавшего Индонезию важным соседом с тесными историческими, культурными и этническими связями. Отношения между странами считались «братскими», а Индонезия наделялась статусом «старшего брата». «Конфронтация» разрушила этот миф, стало очевидным, что нельзя полагаться на исторические и культурные связи, когда речь идет о защите национальных интересов. В сентябре 1964 г. после вторжения индонезийских войск на Малаккском полуострове СРСР, поддерживавший Индонезию, наложил вето на проект резолюции СБ ООН, осуждавшей агрессора. Вторжение заставило руководство Малайзии пересмотреть стратегию национальной безопасности и обороны, сформированную еще британцами и носившую сугубо оборонительный характер. Была создана Национальная воинская служба, предусматривавшая мобилизацию мужского населения

в возрасте 21–29 лет [3]. После смены руководства Индонезии в 1966 г. двум странам удалось нормализовать отношения и начать сотрудничество в сфере безопасности, однако прозрачность границ и нелегальная эмиграция из Индонезии остается серьезной проблемой безопасности Малайзии. Чувствительный шок, нанесенный «Конфронтацией», имел решающее влияние на дальнейшую ориентацию Малайзии в вопросах безопасности и отношений с соседями. С тех пор на международной арене она выступает активным сторонником и инициатором субрегионального сотрудничества.

Располагаясь на пересечении важных торговых путей в ЮВА и имея границы с политически нестабильными соседями, главными задачами внешней политики и политики безопасности Малайзии считались предотвращение конфликтов и защита сфер своих национальных интересов: сухопутная территория страны, морские экономические зоны, территориальные воды, стратегические морские пути и воздушное пространство; нейтрализация сепаратизма восточных штатов; контроль над Малаккским проливом – жизненно важной для экономических интересов страны транспортной артерией. Поскольку соседи Малайзии исторически были более сильными в военно-политическом смысле, она не могла себе позволить антагонизмов ни с соседями, ни с великими державами, имевшими интересы в регионе. Понимая необходимость развития собственных вооруженных сил для отпора потенциальным агрессорам страна вместе с тем полагалась на дипломатические методы отстаивания национальных интересов. В апреле 1972 г. было заключено Соглашение о безопасности с Индонезией, создан двусторонний Комитет по вопросам границ, принято решение о совместном патрулировании Малаккского пролива. В 1998 г. для решения длительного спора, страны согласились передать в Международный Суд ООН в Гааге дело о суверенных правах на острова Сипадан и Лиджитан (северо-восточнее о. Борнео).

В последние годы Индонезия предприняла серьезные шаги по укреплению собственной безопасности. В 2004 г. правительству страны путем сложных переговоров удалось урегулировать сепаратистский конфликт в провинции Ачех (север о. Суматра), продолжавшийся 30 лет и унесший жизни тысяч людей. Это урегулирование решило потенциально сложную ситуацию в малазийско-индонезийских отношениях. Малайзия продемонстрировала своим соседям способность избегать конфронтации и напряженности, гарантировать свою национальную безопасность, проводя кон-

структивную и гибкую внешнюю политику. Силы безопасности Индонезии в последние годы обезвредили и арестовали сотни исламистских боевиков, обнаружили и уничтожили их главные базы и лагеря подготовки. Правительством страны создано Национальное антитеррористическое агентство, призванное формировать и имплементировать внутреннее законодательство в сфере безопасности. В то же время в Индонезии наблюдается рост межэтнического и межрасового насилия (от этнических стычек на о. Калимантан до религиозного насилия на о. Ява), при этом силам безопасности, полиции, местным и федеральным властям не удалось своевременно и эффективно устранить беспорядки. Эти события показали, что важным условием существования Индонезии как единой нации является взаимное уважение и толерантность многочисленных этнических групп, проживающих в стране [12].

Серьезной угрозой безопасности стран ЮВА являются *взаимные территориальные претензии*, для урегулирования которых между Малайзией и Индонезией, Малайзией и Сингапуром страны обратились за посредничеством в Международный суд ООН в Гааге, а для решения проблем границ Малайзии с Брунеем и Таиландом были задействованы механизмы двусторонних переговоров. Серьезной проблемой являются претензии КНР, Тайваня, Вьетнама, Малайзии, Филиппин и Брунея на ряд островов архипелага Спратли в Южно-Китайском море – стратегически важной территории с точки зрения военно-политического контроля региона, промышленного рыболовства, торгового мореходства, потенциально богатой нефте-газовыми месторождениями [13].

Существуют проблемы безопасности на границе Малайзии и Таиланда, ставшие следствием угрозы возобновления коммунистического движения, лидеры которого на протяжении десятилетий находили приют на юге Таиланда, а также распространения нестабильности, продолжительное время наблюдающейся в южных провинциях Таиланда и связанной с местным исламистским экстремизмом. На указанной границе в последние десятилетия не прекращается противостояние мусульманского населения южных провинций Таиланда с властями страны. Проблема усугубляется двойным гражданством большинства малайцев Южного Таиланда, терроризмом, а также обвинениями Малайзии в поддержке террористов. Однако последняя едва ли заинтересована в нагнетании ситуации, учитывая опасность нелегального проникновения на ее территорию радикального ислама, тер-

рористических элементов и контрабанды оружия с севера. Для решения указанных проблем в 2004 г. стороны договорились проводить совместное патрулирование границы, а в 2010 г. Малайзия обязалась предоставить депрессивным южным провинциям Таиланда помощь в сфере образования, занятости и бизнеса. Сторонами отмечена необходимость создания надлежащих условий для увеличения взаимных инвестиций. Нынешний – шестой Премьер Малайзии Наджиб Разак (назначенный в апреле 2009 г.) заявляет о поддержке политики Таиланда по развитию мер доверия, мира и безопасности в южных провинциях и призвал малайское население соседней страны воздержаться от насилия и уважать конституцию [1].

Представления о внешних угрозах Малайзии формируются во многом благодаря историческому опыту, который в значительной мере определяет и современные малазийско-сингапурские отношения. В результате «горького развода» в 1965 г. бывших субъектов федерации в отношениях между ними сохранилось недоверие, но благодаря исторической, социальной и культурной близости, экономической взаимозависимости Малайзия и Сингапур не могут оставаться враждебными. Географическая близость и историческая общность связывают вызовы и угрозы их безопасности. Хотя отношения между ними некоторое время оставались напряженными, учитывая различие позиций по отдельным вопросам региональной политики, но никогда не доходили до конфронтации или военного противостояния. По оценкам международных аналитиков, перспектива вооруженной агрессии между ними маловероятна учитывая тесную экономическую и социальную взаимозависимость. Вместе с тем отношениям двух государств недостает доверия, они строятся с позиции демонстрации силы, обе страны продолжают уделять значительное внимание вопросам развития вооруженных сил и закупки современного вооружения [14]. Для укрепления безопасности и стабильности в малазийско-сингапурских отношениях необходимы совместные усилия по развитию мер доверия.

3. Влияние регионального политического окружения на национальную безопасность. Во время холодной войны кроме внутренней коммунистической угрозы политическая ситуация в Индокитае имела значительное влияние на формирование представлений малазийских элит об угрозах национальной безопасности. Хотя с падением Сайгонского режима в 1975 г. начался процесс восстановления отношений с объединенным Вьетнамом, однако с последовавшей интервенцией

Камбоджи возникли новые опасения гегемонистских устремлений коммунистического режима СРВ. В политических кругах Малайзии тогда развернулась дискуссия, кто именно: Вьетнам ли КНР представляет наибольшую угрозу безопасности страны. С двумя мировыми супердержавами (США и СССР) страны ЮВА строили отношения на принципе равноудаленности, вместе с тем присутствии СССР сдерживало также попытки «ползучей экспансии» Китая.

С распадом Советского Союза, окончанием холодной войны и вступлением в 1995 г. Вьетнама в ASEAN кардинально изменились представления об угрозах безопасности в ЮВА. Концепции безопасности стран ASEAN все больше сосредоточиваются на внутренней проблематике и нетрадиционных угрозах [6]. Среди внутренних угроз национальной безопасности Малайзии в этот период отмечают проблемы нелегальной иммиграции (из Индонезии, Филиппин, Таиланда и Бангладеш), связанные с организованной преступностью, негативным влиянием на социальную стабильность и индивидуальную безопасность. Хотя сегодня число и возможности экстремистских групп, находящихся на территории Малайзии, являются меньшими, чем в соседних государствах, тем не менее правительство страны уделяет большое внимание проблемам их нейтрализации, учитывая опасность политической нестабильности, расовой и этнической дисгармонии, негативного влияния на экономическое развитие страны и угрозу политическому режиму. В этой связи следует отметить эффективность действий правительства страны по борьбе с религиозными экстремистскими и террористическими организациями, о чем свидетельствует довольно высокий уровень внутренней безопасности и стабильности. Хотя ислам в Малайзии имеет глубокие корни и является официальной государственной религией, он не приобрел фундаменталистских черт и не проявляется в экстремистской форме [1, 4]. Тенденции экстремизма сдерживаются развитой политической культурой, жестким антитеррористическим законодательством, полиэтничностью населения.

С 70-х до середины 90-х годов в ЮВА наблюдался стабильный экономический рост, послуживший обоснованной аргументацией претензий субрегиона на статус одного из полюсов формирующегося многополярного мира. В это время политическая ситуация в АТР и мире давала основания говорить об усилении влияния экономических и ослаблении силовых факторов. Происходило сокращение иностранного военного присут-

ствия и ликвидация иностранных военных баз в регионе (преимущественно американских). Состоялся переход от геополитической парадигмы развития международных отношений к геоэкономической, экономическая безопасность стала главной составляющей политики безопасности. Однако мощный финансово-экономический кризис 1997–1998 гг. и трагические события 11 сентября 2001 г. в США внесли существенные коррективы и заставили страны ЮВА пересмотреть концепты безопасности. Если раньше члены ASEAN старались избегать слишком тесного сближения с Западом в вопросах внешней политики и безопасности, то после кризиса было активизировано присутствие США и сотрудничество отдельных стран региона с МВФ [15].

В условиях глобализации национальная безопасность тесно связана с безопасностью международной, возрастает значение внешних факторов, стираются четкие грани между внутренней и внешней политикой государства. Приоритетное значение приобретают геоэкономические механизмы обеспечения национальной безопасности по сравнению с геополитическими и геостратегическими, геоэкономика становится приоритетом мирового развития [16].

Посткризисный период связан с новой фазой соперничества главных мировых центров силы – США, Японии и КНР за влияние в ЮВА. При этом возрастает влияние последних двух стран, в действиях которых наблюдались экономические, а не военно-политические приоритеты. Страны ЮВА с недоверием относятся к растущим амбициям Китая, замкнувшим на себя значительные потоки западных инвестиций. Однако и сама Поднебесная постепенно превращается в активного инвестора в субрегионе, двигаясь тем же путем, которым раньше прошли Япония и Южная Корея. Сегодня КНР уже переняла у Японии роль локомотива экономического роста в АТР и все активнее демонстрирует намерение играть роль контрбаланса США в Азиатском регионе. При этом Китаем проводится взвешенная внешняя политика, использующая недовольство отдельных стран ЮВА давлением США в вопросах прав человека и демократических свобод. Вместе с тем при очевидной заинтересованности в экономическом и инвестиционном сотрудничестве с Китаем имеются определенные опасения стран ASEAN реальных стратегических намерений растущей региональной супердержавы [13,15].

Если до 11 сентября 2001 г. страны ASEAN были в большей степени заинтересованы в присут-

ствии США в субрегионе, то после уже США становятся наиболее заинтересованной стороной в сотрудничестве, учитывая опасность международных террористических организаций активизировавшихся в ЮВА. Стратегические интересы США, связанные со сдерживанием Китая, обращены и в сторону ЮВА. Пентагон планирует создание новых баз в Сингапуре и Малайзии, обсуждается возможность укрепления базы на Филиппинах и передача Вьетнамом военно-морской базы в Камрани, оставленной российским ВМФ в 2003 г. [17].

Сегодня продолжается противостояние великих держав за доминирование в ЮВА. С одной стороны, это стратегический тандем США–Япония, добывающий сохранения своих позиций и ограничения экспансии Пекина, а с другой – Китай, стремящийся сильнее привязать к себе страны ЮВА, обеспечивая свое доминирование и вытесняя конкурентов. В то же время все громче звучит голос третьей силы – самих стран ASEAN, активнее выступающих в роли субъекта региональной политики. Большие усилия проявляют наиболее развитые страны ASEAN – Сингапур, Малайзия и Таиланд, стремящиеся интегрировать субрегиональный блок для поддержания многовекторного баланса интересов, сохраняя дружеские взаимовыгодные отношения как с США – Японией, так и с Китаем. В рамках такой политики равноудаленности политические элиты ведущих стран ASEAN, ощутив угрозу со стороны Китая, все активнее выступают за восстановление баланса сил и развитие экономических связей с Японией, возобновления американского присутствия в ЮВА. По оценкам аналитиков, активизация присутствия США содействует безопасности и стабильности в ЮВА, учитывая вызовы, связанные с подъемом Китая, исламским радикализмом на Филиппинах, в Индонезии и на юге Таиланда, проблемами энергетической безопасности. Такая стратегия контрастирует с политикой стран ЮВА десятилетней давности, когда прославлялось «азиатское единство» и вытеснение США путем создания единого субрегионального рынка. Таким образом, по мере увеличения экспансионистского давления одной из великих держав страны субрегиона, стараясь сохранить стратегический баланс, создают определенные преимущества другой стороне регионального баланса сил. Такой стороной впоследствии выступают США, учитывая возрастающее недоверие к Китаю, прямо пропорциональное росту его присутствия в субрегионе [18]. В этой ситуации, по оценкам исследователей, Китай меняет тактику, стараясь разделить ASEAN на страны

более и менее про-китайские, активизируя отношения с первой категорией, к которой исторически относятся континентальные страны ЮВА, всегда бывшие более зависимыми от Китая. Не отказываясь от стратегии доминирования во всем субрегионе, Китай ставит задачу добиться доминирования на Севере ЮВА, который может стать базой для дальнейшей экспансии. В этом КНР могут содействовать форсированные попытки консолидировать ASEAN на основе ценностей либеральной демократии, поскольку всякое давление вызывает сопротивление не готовых к этому стран ЮВА [18]. Такая сложная система балансов и контрбалансов требует выверенных творческих усилий руководства стран ЮВА для поиска эффективной формулы региональной стабильности.

Указанные сложности в сфере региональной безопасности стимулируют наращивание вооружений в странах ЮВА, несмотря на активизацию процессов субрегиональной интеграции. После окончания холодной войны правительством Малайзии была проведена значительная работа с целью *обеспечения обороны страны собственными силами*, продолжается закупка нового современного вооружения и военной техники для гарантирования высокого уровня национальной безопасности адекватного региональным угрозам. Подобной стратегии придерживаются правительства большинства других стран ЮВА, по данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI) [19] в последнее десятилетие отмечается стабильный рост военных расходов стран ЮВА. В 2010 г. на вооружение государств субрегиона было потрачено около 30 млрд долл. США, что на 60% больше, чем в 2001 г. Индонезия в 2010 г. увеличила военные расходы на 1,3 млрд долл. США (на 28%) по сравнению с 2009 г., Филиппины – на 12 %. ЮВА за последнее десятилетие стала мировым лидером по росту военных затрат: Малайзия за этот период стала тратить на 722% больше, Сингапур – на 146%, Индонезия – на 84%. В Индонезии, Малайзии и Сингапуре импорт вооружения в период 2000–2004 гг. увеличился почти на 150%, а в 2005–2009 гг. – на более 720%. Сингапур стал первой страной ASEAN, вошедшей в список 10-ти крупнейших импортеров вооружения со времени Вьетнамской войны [19]. Это соответствует новой глобальной тенденции гонки вооружений, среди главных причин которой – нарастающая дестабилизация международных отношений. Многочисленные локальные (реальные и потенциальные) конфликты в мире и АТР демонстрируют призрач-

ность надежд на международные гарантии безопасности, что заставляет отдельные государства искать защиту суверенитета в укреплении своих вооруженных сил. Еще одним геополитическим фактором, заставляющим страны в вопросах обороны и безопасности переходить к стратегии опоры на собственные силы, является «свертывание ядерных зонтиков» великих держав после окончания холодной войны. Страны субрегиона в своем большинстве имеют весьма ограниченную собственную военную промышленность и поэтому наращивают импорт вооружений «на всякий случай» [16].

Роль национальных элит в формировании политики безопасности. Спецификой субрегиона ЮВА является то, что решения вопросов национальной безопасности направлены главным образом на сохранение элит и национальной бюрократии. В малайзийской политической культуре традиционно доминируют бюрократические механизмы и институты, а силовые органы, занимающиеся проблемами обороны, безопасности и общественного порядка являются по своему кадровому этническому составу преимущественно малайскими, что связано с политической системой и историческими традициями.

Следует отметить традиционно высокие демократические стандарты гражданско-военных отношений в Малайзии. Несмотря на важную роль, которую исторически играли вооруженные силы в обеспечении безопасности этой страны, они всегда оставались вне политики в отличие от ситуации в большинстве других стран ЮВА, где гражданские и военные круги часто выступали соперниками в борьбе за власть. Объясняется это тем, что Малайзия обрела независимость без серьезного военного противостояния, после чего избранное руководство страны не прибегало к силовым средствам защиты своей власти. За всю 55-летнюю историю страны ни разу, даже в самые сложные времена, не было попыток военных переворотов или захвата политического контроля со стороны силовых структур. Отсутствие традиции использования принудительных механизмов – характерная особенность малайзийских элит. Конструктивные взаимоотношения между гражданской властью и военным руководством, а также консенсус по вопросу подчиненности военных контролю со стороны гражданских властей является гарантией внутреннего мира и стабильности в стране [3,10].

4. Исторический фактор в формировании концепций безопасности. Эволюция национальной безопасности и внешней политики Малайзии

отражает историю развития единой самодостаточной нации из государства, доставшегося по наследству от Британского колониализма. Наибольшее идеологическое влияние на формирование антикоммунистической внутренней и внешней политики страны оказал горький опыт борьбы с партизанским движением 1948–1960 годов. Преодоление коммунистического движения внутри страны и сдерживание международного коммунизма стало главным компонентом стратегии руководства страны при принятии решений в сфере национальной безопасности. Успех Маоистской революции в Китае в 1949 г. усилил опасения возможности коммунистического доминирования во всей ЮВА. Ситуация усугублялась почти исключительно китайской этнической принадлежностью малайзийских коммунистов. Большая китайская община Малайзии считалась «пятой колонной» КПМ и КНР, главной целью которых было «национальное и антиколониальное освобождение, свержение империализма и феодальной аристократии, создание усилиями рабочих и крестьян Советской Республики Малайя» [2,3], что категорически не воспринималось малайским этническим большинством, рассматривавшим любые формы участия Китая как попытки заменить европейское колониальное доминирование новым доминированием КНР.

Стратегическое выживание Малайзии в годы холодной войны (1947–1991) требовало от руководства четкого понимания динамического взаимодействия мировой системы на внутреннем, региональном и глобальном уровнях. Еще первый Премьер-министр А.Рахман, создававший внешнюю политику молодой страны, осознавал, что политика безопасности должна отвечать региональным и глобальным стратегическим тенденциям, четкой взаимосвязи внутреннего, регионального и глобального измерений. Руководство страны изначально выбрало двухвекторную внешнюю стратегию: с одной стороны – жесткое противодействие международному коммунизму, а с другой – прозападная идеологическая, политическая, экономическая, безопасностная и военная ориентация. На внутреннем уровне проводилась политика компромисса, стабильности и общественного порядка, гармонии полиэтничного и полирасового общества. На этой основе строилось внешнее измерение безопасности.

Поскольку молодая нация требовала защиты от внутренних и внешних угроз, в 1957 г. с бывшей метрополией было заключено Англо-Малайское соглашение об обороне и взаимопомощи, сыгравшее ключевую роль для страны во время «Кон-

фронтации» с Индонезией (1963–1966) [1]. В противостоянии международной коммунистической угрозе Малайзия и другие «некоммунистические» страны ЮВА были бенефициантами спонсированной США системы глобальных военных союзов, направленных против СССР и Китая. Американские двусторонние и многосторонние гарантии безопасности для стран АТР включали следующие международно-правовые документы: Манильский пакт 1954 г., создавший Организацию ЮВА договора (SEATO) при участии региональных партнеров – Таиланда и Филиппин; Договор ANZUS 1951 г. при участии Австралии, Новой Зеландии и США; Американо-Японский союз 1951 г., создававший ядерный и конвенционный щит против коммунистической экспансии в Северо-Восточной Азии; двусторонние договоры безопасности США с Южной Кореей, Тайванем, Таиландом и Филиппинами, вместе с многосторонними союзами обеспечивавшие наполнение «доктрины сдерживания». При Президенте США Д. Эйзенхауэре (1953–1961) Госсекретарь Дж. Даллес подвел теоретическую базу под SEATO на основе «теории домино» (сформулированной Министром обороны США (1961–1968), идеологом войны во Вьетнаме Р. Макнамарой), распространив американский зонтик безопасности на всю ЮВА. Таким образом, потребности безопасности стран субрегиона в первые две декады холодной войны обеспечивались системой англо-американского оборонительного сотрудничества, а после войны во Вьетнаме – в рамках Пятистороннего соглашения об обороне (Австралия, Великобритания, Новая Зеландия, Малайзия, Сингапур), заключенного в 1971 г. вместо Англо-Малайского оборонительного соглашения 1957 г.

Прагматизм и рационализм стратегии национальной безопасности Малайзии были присущи как первому Премьеру страны, так и его последователям, проводившим с выводом войск США из ЮВА после окончания Вьетнамской войны антикоммунистическую внутреннюю политику и, в то же время, внешнюю политику мирного сосуществования с коммунистическими режимами региона.

Четвертым Премьер-министром Малайзии Махатхиром Мохаммадом (1981–2003 гг.) в 1991 г. была сформулирована перспективная Программа развития страны – «Vision-2020», послужившая импульсом возрождения малайзийского государства и формирования новой концепции национальной безопасности и внешней политики. Для достижения целей Программы предусматривались следующие

щие предпосылки: обеспечение политической стабильности и социальной гармонии; достижение высоких показателей экономического развития; формирование чувства национальной гордости в связи с реализацией масштабных проектов индустриализации страны (создание собственной тяжелой промышленности, производства автомобилей «Proton», нефте-газового гиганта «Petronas», самого высокого в мире здания «Petronas Twin Towers»); строгая трудовая дисциплина; жесткое внутреннее законодательство в сфере безопасности (Акт внутренней безопасности, 1960). Указанные факторы, а также слабость оппозиции, отсутствие единого протестного голоса и «мягкий авторитаризм» режима Махатхира обеспечили политическую стабильность в государстве, впечатляющие достижения развития нации (при имеющихся критических оценках их эффективности), повлияли на формирование новой концепции национальной безопасности и стратегии обеспечения внутренней стабильности [3, 20].

5. Регионализм ASEAN и безопасность на базе сотрудничества. Необходимыми предпосылками создания системы коллективной безопасности являются: существование (мнимое или реальное) общей угрозы; вера в перспективы общего будущего; понимание международного сотрудничества как лучшего средства защиты национальных интересов; достижение достаточного уровня экономической интеграции и формирование общих объединяющих ценностей [21]. С 1961 г. первый Премьер Малайзии А.Рахман выступал с инициативами о создании региональной многосторонней организации ЮВА по безопасности. Региональные элиты того времени были обеспокоены угрозой победы левых сил в Лаосе, служившего буфером между коммунистическим Вьетнамом и Таиландом, последний по «принципу домино» мог стать следующей жертвой, после которой последовали бы другие страны региона. Результатом общих усилий трех стран субрегиона стало создание в 1961 г. Ассоциации ЮВА, а в 1963 г. – Организации «МаФилИндо», просуществовавших недолго.

После падения в 1966 г. режима Президента А.Сукарно в Индонезии в результате провала политики «Конфронтации» против Малайзии и Сингапура региональные интеграционные процессы активизировались, поскольку лидеры по крайней мере пяти стран субрегиона опасались распространения коммунистической агрессии из Индокитая. Кроме того, соседи Индонезии стремились «встроить» эту страну в общую структуру безопас-

ности субрегиона, аналогично тому, как после ВМВ Франция стремилась «встроить» Германию в общую структуру европейского сотрудничества. В августе 1967 г. была подписана Бангкокская декларация о создании ASEAN [5].

Дальнейшие события 1967–1971 годов имели определяющее влияние на формирование стратегии безопасности стран ЮВА. Прежде всего, это поражение США во Вьетнаме и решение о выводе с 1969 г. американских войск из региона. Второе событие – решение Великобритании о выводе до 31 марта 1971 г. всех подразделений с военных баз в Малайзии и Сингапуре. Это привело к росту внешних и внутренних угроз для некоммунистических стран ЮВА. В ответ было инициировано заключение Пятистороннего оборонительного соглашения, не создававшего, однако, надежных гарантий для субрегиона. После окончания Вьетнамской войны и вывода американских войск из региона возникла потребность переосмысления стратегии безопасности и создания нейтральной ЮВА. Для заполнения вакуума безопасности правительство второго Премьера Малайзии А. Разака изменило направление внешней политики и безопасности с про-западной на политику неприсоединения и нейтралитета. В 1970 г. на Третьей конференции стран Движения Неприсоединения в г.Лусака Малайзия предложила идею нейтралитета ЮВА. В 1971 г. на встрече министров иностранных дел ASEAN была подписана Куала-Лумпурская декларация, в которой эта идея формулировалась, хотя в реальной жизни она не материализовалась в полном объеме. Причинами этого были: большая территория субрегиона; широкое многообразие стран-участниц, идеологий, политических систем, форм правления и внешней политики; нейтралитет требовал соответствующих гарантий со стороны великих держав, чего не удалось достичь. Вместе с тем заявление о создании Зоны мира, дружбы и нейтралитета (ЗМДН) – всеобъемлющей концепции, реализация которой привела бы к заполнению вакуума безопасности, требовало от великих держав воздержаться от вмешательства во внутренние дела субрегиона [3].

Ключевым международно-правовым документом, определявшим подходы ASEAN к вопросам региональной безопасности после победы коммунистической идеологии во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе, стал Договор о дружбе и сотрудничестве в ЮВА, подписанный в 1976 г. в ходе первого саммита Организации на о. Бали. Стороны определили стратегию Ассоциации по урегулированию конфликтов, согласились воздерживаться от примене-

ния силы и решать спорные вопросы путем переговоров. В последующие годы ASEAN получила широкое признание в мире как влиятельная региональная сила, активный участник международных отношений, многосторонние обязательства которого имеют целью укрепление регионального взаимодействия и безопасности.

Падение Сайгонского режима в 1975 г. и Камбоджийский кризис 1978–1981 гг. [22] вызвали потоки беженцев, на лодках переплывавших Южно-Китайское море и высаживавшихся на берегах других стран субрегиона. Большое количество беженцев и угроза интервенции со стороны Вьетнама по «принципу домино» создавали серьезные угрозы безопасности и заставили государства субрегиона искать новые средства обеспечения безопасности. В поисках новой формулы безопасности Малайзия и другие страны ASEAN пришли к заключению о необходимости расширения диалога в сфере безопасности и привлечения внерегиональных держав, прежде всего Китая и СССР. Третьим Премьером Малайзии Хусейном Онном (1976–1981) в 1979 г. были установлены дипломатические отношения с последними, что содействовало укреплению региональной безопасности [3].

Региональный Форум ASEAN (АРФ). После преодоления Камбоджийского кризиса, вывода вьетнамских войск [22] и завершения в 1991 г. холодной войны ситуация в ЮВА стабилизировалась, однако быстрый рост могущества Китая вызвал новые угрозы. При этом две важные тенденции изменили парадигму безопасности региона. Первая состояла в расширении членства Ассоциации до 10, в том числе за счет коммунистических стран. В 1984 г. к ASEAN присоединился Бруней, в 1995 – Вьетнам, 1997 – Бирма и Лаос, 1999 – Камбоджа. Прежнее идеологическое противостояние в регионе кануло в Лету, Ассоциация стала более консолидированной и сильной в политическом, экономическом и безопасностном смысле. Вторая тенденция – осознание того, что безопасность ЮВА связана с безопасностью АТР, а также неотложной необходимостью создания многостороннего форума для обсуждения проблем безопасности в регионе.

Впервые идея диалога по безопасности в АТР была высказана Президентом СССР М. Горбачевым, призвавшим в 1987 г. создать Тихоокеанскую конференцию по безопасности и сотрудничеству [23]. В 1990 г. Австралией было предложено созвать Конференцию по безопасности и сотрудничеству в Азии, а Канадой – Северо-Тихоокеанский

диалог по кооперативной безопасности. Эти предложения основывались на принципах созданного в 1975 г. Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Вначале от этой идеи не были в восторге ни США, отдававшие предпочтение своим двусторонним договоренностям со странами Восточной Азии, ни члены ASEAN, опасавшиеся связывать себя жесткими обязательствами, существующими в рамках ОБСЕ, и возможного отстранения более влиятельными внерегиональными игроками от процесса формирования региональной системы безопасности.

В 1991 г. было принято решение использовать Пост-министерские встречи ASEAN в качестве форума для обсуждения вопросов безопасности в регионе. В 1992 г. на 4-м Саммите ASEAN в Сингапуре страны-члены выразили готовность активизировать диалог по вопросам политики и безопасности в Восточно-Азиатском регионе. В 1993 г. к нему присоединились США, а также Китай и Россия, ставшие в 1992 г. консультативными партнерами ASEAN. В июле 1994 г. в Бангкоке объявлено о создании Регионального форума ASEAN (АРФ) по проблемам мира и безопасности, в первом заседании которого приняли участие представители 18 стран [3, 5]. Сегодня АРФ включает 27 стран-участниц: 10 стран ASEAN, основные государства АТР, а также представителей других регионов (ЕС, Индия, Монголия, Папуа-Новая Гвинея, Россия и США). В отсутствие в последние 20 лет в регионе баланса сил Форум стал наибольшим по охвату многосторонним межгосударственным институтом в АТР. По итогам его второго заседания в 1995 г. в Брунее был принят «Концептуальный меморандум», формулирующий политику, практические методы, основные цели и задачи АРФ. Главная цель – поддержание и укрепление мира и благополучия путем экономического развития. Главный приоритет АРФ – «развитие более предсказуемой конструктивной модели отношений в АТР». С учетом отсутствия в регионе мер взаимного доверия было признано нецелесообразным разрабатывать в ближайшей перспективе полномасштабные региональные механизмы разрешения конфликтов. На первом этапе решено также воздержаться от институализации Форума. Такой «скромный», постепенный подход представляется разумным и реалистичным, поскольку АРФ еще довольно «хрупок», а в регионе накопилось много нерешенных конфликтов.

Вместе с тем, несмотря на «скромность» текущих задач, главная его перспективная цель – создание механизмов разрешения конфликтов и

формирование в странах региона единого «азиатско-тихоокеанского сообщества». Основные задачи – развитие многостороннего сотрудничества, разработка мер доверия и механизмов превентивной дипломатии. На сегодня институализация Форума довольно ограничена по сравнению с ОБСЕ, хотя и активно развивается. АРФ не имеет секретариата, его деятельность координируется на ежегодной ротационной основе министрами иностранных дел членов ASEAN, осуществляющих текущее председательство в Ассоциации. В учредительных документах АРФ определена особая роль ASEAN, а географические рамки его членства ограничены регионом Восточной Азии и Океании. Среди главных достижений Форума отмечают: развитие мер доверия в регионе; участие в международном обсуждении путей решения Корейского ядерной проблемы; разработка Кодекса поведения в Южно-Китайском море; противодействие глобальному и региональному терроризму. Хотя успехи АРФ довольно ограничены по сравнению с достижениями аналогичных организаций в Евро-Атлантическом регионе (ОБСЕ и НАТО), но его реальный успех следует рассматривать сквозь призму перспективы и предварительных «скромных» целей. Наибольшим успехом АРФ считают то, что Форуму удалось собрать вместе очень разные страны, с разноплановыми интересами из единого мегарегиона, не имевшего прежде подобного опыта [3, 5]. В определенном смысле его можно рас-

сматривать в качестве прообраза новой модели коллективной безопасности в регионе.

Несмотря на разнообразие идеологий, форм правления, политических систем, экономических укладов и уровней развития стран ЮВА, ограничивающее возможности формирования общей идентичности и создающее дефицит общих объединяющих ценностей, интеграционное объединение ASEAN продолжает развитие в направлении формирования полноценной региональной организации по безопасности на базе сотрудничества. При этом члены Ассоциации не ставят цели оформления соглашений о коллективной обороне и проведении общей внешней политики, что четко зафиксировано в Балийской декларации 2003 г. Рамки ASEAN дают, однако, возможность ее членам развивать отношения на принципах равенства, толерантности и взаимного уважения. Такой подход укрепляет субрегиональную безопасность, расширяет сотрудничество, повышает доверие, а также содействует углублению интеграционных процессов [24, 25] и координации более широкими региональными и межрегиональными процессами: АРФ (создан в 1994 г.), Asia-Europe Meeting (1996), ASEAN+3 (1997), Восточно-Азиатский Форум (2000), Контр-террористическая группа АТЕС (2002), Переговоры по нераспространению в Азии (2003), Восточно-Азиатский саммит (2005), ASEAN+8 (2010).

ПОСИЛАННЯ

1. Лоссовский И.Е. Эволюция внешней политики Малайзии как отражение внутреннего исторического развития страны Лоссовский И.Е. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке., – Владивосток, 2011, №3, с.53-60.
2. Clutterbuck R. The long long war. Emergency in Malaya 1948-1960/Clutterbuck R. – Singapore Cultured Lotus, 2003.
3. Baginda A.R. Malaysia's Defence & Security since 1957. – Malaysian Strategic Research Centre.– Kuala Lumpur, 2009.
4. Watson Andaya B.W., Andaya L.Y. A History of Malaysia. – Palgrave Macmillan., – London., 2001.
5. Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order. –Routledge., – New York, 2009.
6. Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. – Москва: Navona. 2010.
7. Гусев М.Н. «Джамаа Исламия» – собрат «Аль-Каиды» в Юго-Восточной Азии // Азия и Африка сегодня., Москва, 2004, №1, с.6–8.
8. Лоссовский И.Е. Новая антикризисная стратегия и экономическая модель Малайзии // Азиатско-Тихоокеанский регион, Москва, 2011, № 1, с. 28–33.
9. Лоссовський І.Є. Події, що 500 років тому змінили історію Південно-Східної Азії // Зовнішні справи., Київ, 2011., № 7–8, с. 42–46.
10. Razak M.N.A. Defending Malaysia : Facing the 21st Century. –ASEAN Academic Press., – London, 2001.
11. Тюрин В.А. «Чрезвычайка» в Малайе // Азия и Африка сегодня. –№ 7. –2009, с. 59–63.
12. Brooks K. Is Indonesia bound for the BRICs? // Foreign Affairs., NY, USA, November/December 2011, p. 109–118.
13. Локшин Г.М. Над Восточным морем тучи ходят хмуро. // Азия и Африка сегодня., Москва, 2010, № 8, с.55–59.
14. Asian Defence & Diplomacy. Vol. 16–18., December, 2009 / January, 2010 – April / May, 2010.
15. Гусев М.Н. В поисках формулы безопасности. //Азия и Африка сегодня., Москва, 2004, № 6, с. 30–35.
16. Кортунов С.В. Диалектика национальной и международной безопасности: некоторые методологические проблемы. // Полис. Политические исследования. 2009, №1, С. 7–28.

17. Арешидзе Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии. Угрозы и надежды. – М.: – Междунар. отношения, 2007.
18. Мосяков Д.В. ЮВА в поисках консолидации и внешнеполитического равновесия. // Азия и Африка сегодня., Москва, 2008, № 8, с. 33–36. www.sipri.org/yearbook.
19. Stockholm International Peace Research Institute. – SIPRI–2011. – www.sipri.org/yearbook.
20. Dhillon K.S. Malaysian Foreign Policy in the Mahathir Era (1981–2003): Dilemmas of Development. – National University of Singapore Press., – Singapore, 2009.
21. Cohen R., Mihalka M. Cooperative Security: New Horizons for International Order. – G.Marshall European Centre for Security Studies., – Garmisch-Partenkirchen, 2008.
22. Бектимирова Н.Н. Общий путь к урегулированию в Камбодже. // Международная жизнь., Москва, 2010, № 10, с.96–105.
23. Шуган Син. Некоторые вопросы внешней политики Горбачева в Азии. // Collections of Scholarly and Academic Papers., Hokkaido University., Acta Slavica Iaponica, 11., 1993, p. 34–56. – <http://hdl.handle.net/2115/8053>.
24. Канаев Е.А. Феномен „Driver’s Seat«. // Международная жизнь., Москва, 2010, № 10, с.28–36.
25. Арапова Е.Я. Восточная Азия в поисках интеграции. // Азия и Африка сегодня., Москва, 2011, № 10, с. 33–38.

Lossovs’kyi I.Y. The formation of the national and regional security strategies wilfien integrational processes in the South-Eastern Asia/Ministry of Foreign Affairs of Ukraine.

National and regional security strategies development for countries of South-East Asia subregion are analyzed in the article. Principal accent is made on the Malaysia’s national security strategy evolution as one of the ASEAN regional leaders.

Key words: South-East Asia, ASEAN, national and regional security, Malaysia, Asia-Pacific region.

Лоссовский І.Є. Фомування стратегій національної та регіональної безпеки в контексті інтеграційних процесів у Південно-Східній Азії/ Міністерство закордонних справ України.

У статті здійснюється аналіз розвитку стратегій національної та регіональної безпеки країн субрегіону Південно-Східної Азії. Головний акцент робиться на питаннях еволюції стратегії національної безпеки Малайзії, як одного з лідерів ASEAN.

Ключові слова: Південно-Східна Азія, ASEAN, національна і регіональна безпека, Малайзія, Азіатсько-Тихоокеанський регіон.

Стаття надійшла до редколегії 5.03.2012

Прийнята до друку 15.03.2012